

— Синюхой!? Врешь!?— усомнился Алексѣй.
 — Провалиться мнѣ на семь мѣстѣ! Да что мнѣ врать?
 Спроси, кого хочешь, изъ ихнихъ бочарскихъ: всякій тебѣ ска-
 жеть.

Алексѣй даже руками развелъ.
 Но послѣ нѣкотораго раздумья, Алексѣй махнулъ рукой съ
 новой рѣшимостью.

— Богъ съ ними, не пойду! Только сраму тамъ напри-
 маешься отъ холопишево въ этихъ проклятыхъ. Енѣ, може, по
 своему большому званію, даже говорить со мной не захочеть,
 не токма-что другое прочее. А то вдругъ—синюха! Какъ-же!
 Разъвай ротъ пошире: неравно влетитъ.

Дядя Кукишъ счелъ за лучшее переменить разговоръ.

— Ты кольеко-нибудь землицы ужъ снялъ подъ озимь, ась?

— Снялъ десятину у глубоченскаго управителя.

— Гдѣ?

— Въ копаномъ болотѣ.

— Значить, красненькую отвалилъ?

Алексѣй молча кивнулъ головой.

— Чево-жъ ты отъ міра отбиваешься? Бралъ бы за одно у
 старшины въ Мокрецахъ.

— А мнѣ пошто? Нѣшь за мной подата стоять? Благода-
 рить Бога, еще николи самъ себя до этого не допускалъ.

Дядя Кукишъ тяжело вздохнулъ.

— Это точно, что воля твоя вольная, вся передъ тобой, —
 протянулъ онъ, почесывая затылокъ. — Куды захотѣлъ, туда и
 пойдешь.

— Коли-бъ иные прочіе поменьше этой самой водки про-
 клятой локали, была бы и у нихъ воля вольная, — сердито замѣ-
 тилъ Алексѣй. — Никто бы не отнял. А теперича не то что
 волю, скоро и хрестъ съ шеи прошьемъ; душу свою хрестьянскую
 за полштофа заложимъ...

Въ это время сохи повернули въ околицу села Богодухова,
 и передъ нашими путниками стала по немногу открываться
 длинная деревенская улица, обставленная невзрачными домиш-
 ками крестьянъ.

Вдругъ сынъ Алексѣя — мальчикъ, значительно опередившій
 обоихъ крестьянъ — крикнулъ во весь голосъ:

— Тятка! Глянь-ка, передъ нашимъ дворомъ народъ со-
 брался, и какая-то господская запряжка стоитъ.

— Ну?

— Вѣрно!